

ОБ АВТОРЕ

Дональд Г. Даттон — кандидат психологических наук, профессор психологии в Университете Британской Колумбии. В 1979 году вместе с коллегами основал проект «Нападающие мужья» — программу терапии для мужчин, осужденных решением суда за домашнее насилие по отношению к супругам. Доктор Даттон — автор более ста статей и четырех книг, среди которых «Домашнее насилие по отношению к женщинам» (*Domestic Assault of Women*, 1995, University of British Columbia Press); «Домашний тиран: психологический профиль» (*The Batterer: A Psychological Profile*, 1995, Basic Books), «Новый подход к домашнему насилию» (*Rethinking Domestic Violence*, 2006, University of British Columbia Press); его книги переведены на французский, испанский, нидерландский, японский и польский языки. Часто выступает в качестве эксперта на гражданских судебных процессах, касающихся насилия в близких отношениях, а также в уголовных процессах по делам о домашнем насилии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние 25 лет наблюдается значительный прогресс в нашем понимании психологии ярости, насилия и абьюзивности, возникающих в близких отношениях. Этот прогресс происходит в различных областях: в психопатологии развития, описывающей множество микроразрывов процесса формирования привязанности; в нейробиопсихологии, которая изучает формирование структур мозга, регулирующих эмоции, и влияние, которое на них оказывает взаимодействие матери и младенца; а также анализирует расстройства личности, долгосрочные нетипичные для принятых в обществе норм изменения в мышлении, чувствах и действиях.

Приступы гнева и абьюзивность в близких отношениях тесно связаны с ранними этапами развития. Согласно теории привязанности, ярость является изначальной реакцией на разрыв привязанности — длительное отсутствие источника безопасности. Понимание этой связи поможет выйти за рамки модели «стимул — реакция», на которую нам предлагает опираться теория социального научения, и даст возможность описать цикличные фазы нарастания внутреннего напряжения, служащие ключевым элементом абьюзивности в близких отношениях. Такое циклическое напряжение, на мой взгляд, оказывается последствием разрыва процесса привязанности, и здесь мы видим связь между проблемами в раннем детстве и патологией во взрослом возрасте. Джон Боулби описывает младенцев с ненадежной привязанностью, которые «в гневе выгибаются, отстраняясь от матери, и при этом отчаянно ищут близости», и это очень похоже на амбивалентность абьюзивного взрослого, которая характерна для психологических профилей абьюзивных мужчин и женщин. Помимо амбивалентности по отношению к партнеру, мы наблюдаем

и другие сходства: дисфория, вызываемая близостью, склонность к обвинению партнера в дисфории. Далее возникают усиливающиеся руминации, которые создают невыносимое напряжение, и кульминацией становится эпизод насилия. Состояние напряжения приводит к тому, что мыслительный процесс начинает обсессивно заикливаться, возникают самоисполняющиеся пророчества — процесс, когда за негативными предчувствиями следуют негативные действия.

Одна из целей этой книги состоит в том, чтобы описать связь раннего развития и абьюзивности во взрослом возрасте. Я привожу необходимый профессионалам обзор теоретических и исследовательских работ, подтверждающий наличие такой связи. В обзор я включил теорию привязанности, неврологическое развитие и теорию объектных отношений, поскольку все эти подходы могут предложить важные наблюдения, а мы еще не дошли до той точки, когда можно было бы исключить какую-то из этих теорий на основе имеющихся у нас данных. Потрясающие последние открытия нейробиологии подтверждают гипотезы о раннем когнитивном развитии младенцев, предложенные теорией объектных отношений.

Научно-исследовательский компонент этой книги соотносит психологические профили абьюзивных мужчин с отчетами их партнеров о формах и частоте абьюзивности. Затем проводится эмпирическая связь между профилями этих мужчин и их воспоминаниями о раннем детстве. Изученная нами выборка показала, что в основе абьюзивности у взрослых лежит триада раннего абьюза, опыта стыда в отношениях с родителем и ненадежной привязанности в силу непредсказуемости эмоциональной доступности родителя. Эти три элемента провоцируют развитие дисфории, которая связывается с партнером, и склонность к руминациям, что приводит к вспышке насилия. Описывается связь между детским опытом и последствиями во взрослом возрасте. Исследовательские техники такого рода имеют ограничения, о которых я говорю непосредственно в тексте книги. Однако они позволяют сделать важнейший первый шаг к пониманию развития абьюзивности в близких отношениях в контексте всего жизненного цикла. Более того, сейчас результаты этой работы подтверждаются лонгитюдными исследованиями детей, подростков и молодых взрослых. Такие исследования: 1) носят проспективный характер и не основываются на ретроспективных

отчетах нашей выборки, субъекты этих исследований проходят мониторинг на протяжении длительного периода, охватывающего разные этапы развития; 2) применимы как к мужчинам, так и к женщинам и показывают, что в развитии абыюзивной личности у представителей разных полов есть больше сходств, чем различий. Теперь мы знаем намного больше об эмпирических причинах «абыюзогенеза» (развития устойчивых абыюзивных черт).

Одна из глав книги посвящена терапии, в основе которой лежит эмпирическое изучение психологической инфраструктуры абыюза. Если мы будем лучше понимать предпосылки абыюзивности, то сможем сфокусироваться на них в терапии и изменить структуры, поддерживающие наличие абыюзивности. Верно и обратное: терапевтические подходы, не учитывающие эту психологическую инфраструктуру, в долгосрочной перспективе обречены на провал. Они просто работают с симптомами, а сама проблема возвращается снова и снова. Психотерапевтические группы довольно эффективны в лечении абыюзивности, хотя определенные типы личности требуют больше внимания и применения техник, разработанных в других подходах для лечения расстройств личности, травмы и расстройств привязанности.

Хочу от всей души поблагодарить Симора Вайнгартена, главного редактора издательства Guilford Press, за помощь в работе над этой книгой, а также множество людей за поддержку, критику, советы и вдохновение: Ким Бартоломью, Дэниела Сонкина, Терри Моффита, Мириам Эренсафт, Мюррея Страуса, Алана Шора, Дэвида Селани, Данте Чикетти, Дрю Уэстена, Джона Болуби и Джона Арчера.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

До 1975 года ни в теоретических, ни в практических работах по социологии ни разу не упоминается такой феномен, как насилие в близких отношениях (НБО). В психологических текстах 1975 года, посвященных агрессии, речь идет лишь об агрессии по отношению к посторонним и обсуждается, является ли этот тип агрессии врожденным или выученным. Нет ни описания случаев, ни даже намека на существование агрессии по отношению к интимному партнеру, однако теперь мы знаем, что это очень распространенное явление.

Ничего не было известно и о психологических предпосылках НБО. В университетских учебниках по теории личности той эпохи «личность» определяется как фиксированная единица, оцениваемая в отдельный момент времени (как правило, в стерильной обстановке психологической лаборатории) при крайне рациональных обстоятельствах и наделяемая тем или иным местом на «круговой структуре» — диаграмме стилей личности. Стиль личности воспринимался как стабильное сочетание определенных черт характера. На тот момент ученые еще не пришли к пониманию того, что личность может быть фазовой и переживать предсказуемые изменения или циклы при переходе из одной фазы в другую. Анализ выпусков первого журнала, посвященного браку и интимным отношениям, *Journal of Marriage and the Family*, показал, что с 1939 по 1969 год слово «насилие» не встречается на его страницах ни разу. Брак мог считаться конфликтным, но вопрос о насилии как таковом не поднимался.

Классическая работа Роберт Барона и Донна Бирна «Социальная психология»¹ переиздается уже девятый раз. В издании

1977 года (втором по счету) глава, посвященная агрессии, начинается с набившего оскомину вопроса о том, что же важнее — природа или воспитание. Далее следует обзор исследования «ситуационных детерминант» (фрустрация, вербальное и физическое нападение, контакт со склонными к насилию ролевыми моделями, возбуждение, агрессивные стимулы, наркотики, приказы, жара и столпотворение), а в завершение приводятся данные исследования о купировании агрессии наказанием, катарсисом или «неадекватными реакциями» (эмпатией, смехом и сексуальным возбуждением). Обсуждалась там и кривая, существующая между сексуальным возбуждением и агрессией, однако конкретных примеров не приводилось. Среди индивидуальных характеристик упоминались также агрессоры с недостаточным контролем и агрессоры с избыточным контролем. В качестве примера агрессора второго типа авторы приводили историю фермера, заставшего жену в постели с другим мужчиной. Он никак не отреагировал на эту сцену даже после того, как непрошенный гость украл у него грузовик, жену и детей. Однако позднее, когда фермер столкнулся с изменой в следующий раз (уже со второй женой), он вышел из себя и в припадке ярости убил супругу и ее любовника. Судя по всему, фрустрация, накопившаяся во время первого инцидента, каким-то образом «сохранилась» и затем была мгновенно отыграна во время второго инцидента. Ни в одной работе по социальной психологии из всех, к которым я обращался, других примеров насилия в близких отношениях не приводилось. Тем не менее никто не шел дальше описания убийцы как гиперконтролирующего (учитывая более ранние провокации) и не пытался понять динамику убийств одного из супругов другим.

В академической среде опросы проводились, как правило, среди студентов, агрессия изучалась в университетских лабораториях. Студентам предлагали ударить куклу «Бобо» или применить электрошок к сокурсникам — вот такая стратегия стала основным научным методом. Как говорил Филип Зимбардо в докладе на симпозиуме в Небраске, посвященном деиндивидуализированной агрессии, рациональные люди, оказывавшиеся в пассивном в силу условий эксперимента положении, заменялись на иррациональных проактивных агрессоров.² Результатом стало внимание к реакции на микрорелизеры (стимулы, пусковые механизмы, раздражители. — *Прим. науч. ред.*) агрессии, а не к проактивным, типичным для хищников процессам, проистекавшим

из ситуации, в которой присутствовали релизеры. С какого-то момента эта практика стала ограничивать наше понимание агрессии, сведя ее к «ответам» на «вызывающие отрицательную реакцию стимулы».

Теория личности стремилась обозначить координаты личности человека на многомерной карте под названием *круговая структура*: на диаграмме по кругу были расположены 16 измерений и 8 категорий личности. В основу самой идеи круговой структуры лег ранний труд Тимоти Лири и его коллег, опубликованный в 1951 году. Местоположение человека на этой схеме представляло собой круговую иерархию черт характера в двухмерном пространстве (круг, пересекаемый такими осями, как «холодный — теплый» и «доминантный — субмиссивный»).³ Данные фиксировались по результатам заполнения опросника — шкалирование проводилось в рациональной спокойной обстановке университетской психологической лаборатории. К чести Лири, он всячески ратовал за то, чтобы оценка личности проводилась на разных «уровнях» психики (включая использование проективных тестов), а результаты сравнивались для получения более полной картины (например, результаты проективных тестов можно сравнить с самостоятельно заполненными опросниками, где участники дают гипотетические ответы на вопросы, и тем самым оценить степень подавления таких нежелательных импульсов, как враждебность). Также в его исследованиях принимали участие люди с подтвержденными психиатрическими диагнозами. Опубликованная им в 1957 году книга «Межличностная диагностика личности» серьезно опередила свое время. К сожалению, использование круговой структуры и самостоятельно заполняемых опросников черт характера вскоре стало ведущим современным способом оценки личности, поскольку эта методика оказалась наиболее проста в применении. Представление о том, что личность может проходить через предсказуемые фазовые изменения, в этих круговых структурах совершенно не учитывалось. «Моментальный снимок», получаемый с помощью шкалирования и набранных баллов, утверждал личность как нечто неизменное, фиксированное, подобное фотографии, на которой время остановилось, а не как динамичный, изменчивый и устойчивый процесс.

Первые шаги психиатрии

В начале XX века психиатрия закрывала глаза на феномен домашнего насилия, за исключением тех случаев, когда один из супругов убивал другого. В этот «век отрицания»⁴ наибольшее внимание уделялось изучению отдельных клинических случаев мужчин, убивших своих супругов. Объяснялось это парадоксальное явление патологической зависимостью и супружеской паранойей, а также височной эпилепсией. В одном часто цитируемом исследовании⁵ насилие рассматривалось как результат патологически запутанной системы, в которой мужчина и женщина проявляли крайние формы зависимости. Затем авторы сравнивали абьюзивные семьи и семьи алкоголиков и отмечали, что в этих динамиках есть схожая «тенденция» — наличие депрессивной, доминирующей и склонной к мазохизму жены: «Агрессивное поведение мужей, как правило, удовлетворяет мазохистические потребности жены (и пары) и способствует равновесию» (с. 110). Другими словами, женщины остаются в абьюзивных отношениях, поскольку наказание удовлетворяет их бессознательную потребность. Вскоре феминистки⁶ сочли эту точку зрения «виктимблеймингом» (возложение вины на жертву. — *Прим. пер.*). В другом раннем исследовании,⁷ проведенном Фолком, изучались мужчины, убившие собственных жен или же нанешие им серьезные телесные повреждения, и результаты показали, что у 16 из 23 имелось психическое расстройство. К сожалению, Фолк распространил свои выводы на всех мужчин, совершающих насилие по отношению к супругам, несмотря на то, что исследование обращалось к самым экстремальным формам домашнего насилия. Однако чем более экстремальные формы принимает насилие, тем выше вероятность наличия расстройства личности у насильника и тем выше степень нарушения⁸.

Даже несмотря на методологический прогресс, психиатрия слишком часто стремилась в первую очередь связать диагностические категории и домашнее насилие без каких-либо объяснений. Эти «случайные объяснения» не давали доказательной базы, показывающей, с чем связана та или иная корреляция. К примеру, Бленд и Орн собрали данные с помощью телефонных опросов по большой ($n = 1200$) выборке городского населения и провели оценку по таким параметрам, как антисоциальное

расстройство личности, депрессия и алкоголизм.⁹ Эти три фактора риска возникновения супружеского насилия вместе дали результаты 80–90% (по сравнению с 15% опрошенных, у которых данные факторы риска отсутствовали). К сожалению, в этом «статистическом» исследовании не были выявлены причинно-следственные связи между факторами. Читатель так и не узнал, почему были выбраны именно эти факторы, какая модель объединяет их. Какие выводы мы можем сделать? Что алкоголизм и депрессия являются симптомами более глубоких психических нарушений? Как взаимосвязаны депрессия и насилие со стороны супруга?

Более вдумчивый и тщательный анализ представил Рунсавилль,¹⁰ хорошо владевший свежей социологической литературой по вопросу домашнего насилия и попытавшийся понять, является ли нападение мужа на жену «обычным насилием» или же примером девиантного, или атипичного поведения. Он опросил 31 пострадавшую от насилия женщину, предлагая ответить на вопросы о супругах. Эти женщины обратились в отделение неотложной помощи и неоднократно подвергались тяжелым формам насилия. Рунсавилль был одним из первых психиатров, признавших факт, что женщины остаются в ловушке таких разрушительных отношений не столько в силу собственного «мазохизма», сколько в силу обстоятельств. В его выборке 71% женщин получали угрозы убийства от партнеров в случае попытки уйти. По доступности внешних ресурсов те, кто ушел от своих партнеров, не отличались от тех, кто остался в отношениях, важными факторами оказались эскалация насилия и страх за детей. Рунсавилль пишет об этом так: «те, у кого не было достаточной мотивации, судя по всему, игнорировали ресурсы, которые на самом деле у них имелись» (с. 17), а также, что «самым поразительным явлением, которое мы наблюдали в ходе интервью и терапии подвергавшихся домашнему насилию женщин, оказалось стремление обоих партнеров сохранить отношения, несмотря на то, что многие женщины подвергались тяжелейшим формам насилия» (с. 20). В 1987 году в Нью-Йорке Хедда Нуссбаум, на протяжении многих лет подвергавшаяся пыткам и насилию со стороны своего партнера Джоэля Стейнберга, была осуждена за то, что забила до смерти их дочь, шестилетнюю Лайзу Стейнберг. Это был первый из серии громких судебных процессов по поводу насилия в близких отношениях,

и Нуссбаум предстала в нем как женщина, всем сердцем преданная мужчине, который насилывал ее, подвергал пыткам и нечеловеческим унижениям.¹¹

Рунсавилль поставил вопрос о том, является ли избивание жен формой психопатологии или «обычным насилием», как утверждали социологи. Мужчины в его выборке часто страдали от алкоголизма (45%), имели приводы в полицию (58%), отбывали тюремный срок (35%) и были склонны к насилию и за пределами отношений (51%). Женщины описывали этих мужчин как крайне ревнивых, не разрешавших им проводить время с подругами (92% называли именно ревность в качестве наиболее частой причины ссор, перераставших в драку). Рунсавилль далее отмечает:

Вспыльчивость мужчин, депрессивность женщин и алкогольная зависимость у тех и других — вот основные проявления высокого уровня неудовлетворенной потребности в зависимости, которую и те и другие пытаются удовлетворить. В таких отношениях часто возникает гнев, поскольку ни один из партнеров не способен удовлетворить совершенно нереалистичные потребности другого. Партнеры по-разному обращаются со своей тягой к зависимости: женщина полностью посвящает себя партнеру и, к сожалению, начинает игнорировать собственные потребности. Мужчина сердито требует полного подчинения или в ужасе проецирует на женщину желание уйти от него. (с. 21)

Важность темы близости в домашнем насилии подтверждается тем, что 44% женщин сообщили, что первый эпизод насилия произошел либо во время медового месяца, либо в период появления на свет первого ребенка. Первый случай обычно говорит о повышении уровня привязанности, а второй — о снижении уровня близости из-за появления ребенка:

Представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что партнерам, применяющим насилие в отношениях, свойственны определенные личностные характеристики, приводящие к устойчивости отношений и присутствию в них насилия. Если оба партнера испытывают сильнейшую потребность в близости, они могут оставаться вместе из-за возникновения тяжелых

конфликтов, потому что одиночество для них куда более ужасно, чем насилие. Особенно взрывоопасная комбинация возникает в паре «ревнивый мужчина-собственник с параноидальными тенденциями и противозависимая упрямая пассивно-агрессивная женщина. (с. 22)

Затем Рунсавилль дает краткий обзор современных социологических теорий, говоря о том, что насилие в семье воспроизводит ситуацию в родительских семьях партнеров, что применение такого физического насилия долгое время не порицалось в американском обществе. Он приходит к выводу, что «эти факторы, без сомнения, важны... однако они в недостаточной мере объясняют тот факт, что избивание жен не является общепринятым в нашем социуме и присутствует лишь у некоторых пар, состоящих в законном или гражданском браке» (с. 23). Рунсавилль предложил многофакторную модель, учитывающую характеристики из разных областей. В области психологии он выделил следующее: «патологические конфликты из-за зависимости и автономии», выражающиеся у мужчин в «патологической ревности», контролирующем поведении и импульсивности, усугубляющейся злоупотреблением психоактивными веществами. В области социологии — давление социума на предмет необходимости вступления в брак и искаженные представления о супружеских ролях.

Работа Рунсавилля оказалась провидческой — редкий случай в психиатрической литературе, когда психологические понятия используются для объяснения и проведения причинно-следственных связей с процессами, описанными социологами. Рунсавилль видел важность такого фактора, как близость в домашнем насилии, хотя высказанная им тогда точка зрения прошла практически незамеченной и получила признание лишь через много лет.

Он понял необходимость разработки мультифакторной модели за много лет до ее появления. Работа Рунсавилля была революционной, но не получила должного внимания в силу последовавшей социологической волны, подчеркнувшей важность гендерного доминирования и отношения власти как первичного фактора, объясняющего феномен домашнего насилия. Однако Рунсавилль¹⁰ отмечает, что «даже когда женщина не имеет более высокого социального статуса, чем ее партнер,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	5
Предисловие	6
Глава 1 ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 2 РАННИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ.....	34
Глава 3 НАУЧЕНИЕ АБЬЮЗИВНОСТИ.....	66
Глава 4 ПСИХОЛОГИЯ ЦИКЛА НАСИЛИЯ.....	102
Глава 5 СТРУКТУРА АБЬЮЗИВНОЙ ЛИЧНОСТИ	126
Глава 6 ПРИМИТИВНЫЕ ИСТОКИ ЯРОСТИ.....	164
Глава 7 ГНЕВ, ПОРОЖДЕННЫЙ СТРАХОМ	195
Глава 8 СОЦИОПСИХОНЕЙРОБИОЛОГИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ.....	235
Глава 9 ИССЛЕДОВАНИЯ РАННИХ ПРИЗНАКОВ.....	249

Глава 10	
ЛОНГИТЮДНОЕ РАЗВИТИЕ	
И АБЬЮЗИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ У ЖЕНЩИН	274
Глава 11	
ТЕРАПИЯ СКЛОННОСТИ К НАСИЛИЮ.....	286
Алфавитный указатель	323